

Shirotori

По ту сторону: Зов крови

18+

Shirotori

По ту сторону: Зов крови

«Автор»

2025

Shirotori

По ту сторону: Зов крови / Shirotori — «Автор», 2025

В один миг привычный мир рассыпался в прах, оставив после себя лишь ледяную тишину и бесконечную серую мглу. Оказавшись в бестелесном измерении, где само время кажется застывшим изваянием, герои сталкиваются с пугающей реальностью: здесь нет места плоти, а чувства превращаются в призрачные тени. В этом странном месте, на изломе миров, полноправной хозяйкой выступает сама Смерть — и её ледяной взор неустанно следит за каждым движением незваных гостей. Но вернется ли из этого путешествия тот, кто вошел в него? Столкнувшись с абсолютным ничем, герои обнаруживают, что их таланты начинают меняться, приобретая пугающую мощь, а прежние идеалы тают, как предрассветный туман. Это не просто попытка спастись — это болезненное перерождение. Смогут ли они сохранить искру человечности там, где правит вечный мрак, или сами станут частью безмолвной вечности? И что страшнее: остаться в мире теней навсегда или вернуться назад, навсегда став чужими среди живых?

© Shirotori, 2025

© Автор, 2025

Shirotori

По ту сторону: Зов крови

Персонажи:

Кайсун Хоэн – «*сильное пламя*», «*ярко горящий как солнце*». Видный Лорд провинции Шин'Кай с острым взглядом. Наследовал свои титул, таланты и обязанности от отца. Умён, сдержан, справедлив и не терпит давления власти. Однако, в глубине души скрывает ранимость и страх потерять близких. Считает долг выше личных желаний.

Ая Хоэн – «*изящный узор*», «*чудо*», «*знак свыше*». Молодая девушка с тихой, трепетной красотой, тёмно-русыми волосами и ясными, внимательными глазами. Обладает природной музыкальностью и магическим чутьём. Мужественно переносит удары судьбы, но всегда ищет гармонию и возможности помогать другим. Её доброта и мечтательность трогают даже самых строгих.

Водяная леди – (*известен лишь псевдоним*) давняя знакомая Кайсуна, управляющая его борделем. Высокая, с длинными зелено-синими волосами, колышущимися словно волны. Голос ласковый, манящий. Обладает властью затмевать разум смертных, но в её сердце живёт тоска по утраченному времени.

Хирон – «*мудрый наставник*», «*защитник*». Молодой мужчина с белоснежными волосами. Его черты лица тонкие, взгляд пронзительный, но чаще всего спокойный, даже отстранённый. Он носит одежду тёмных, невзрачных тонов, чтобы растворяться в сумерках, мастерски владеет приёмами скрытного передвижения, ближнего боя, шпионажа и маскировки.

Императорская семья Дрейгард – производное от «дракон» и «страж», фамилия древняя, символизирует могущество, защиту и древнюю династию драконов.

Император Ронан – «*морской лев*». Грозный и мудрый правитель, обладающий врождённым даром держать империю в железной хватке, но не лишённый чувства справедливости и эмпатии. Олицетворяет силу рода и его историческую связь с драконами.

Императрица Илария – «*весёлая*», «*жизнерадостная*». Блестящая хозяйка дворцовых приёмов, искусная интриганка и хранительница семейных секретов. Яркая и обаятельная, с завидной мудростью, но за внешней мягкостью скрывает внутреннюю силу и железную волю.

Рюджин – «*дракон-бог*». Старший наследник, главный воин и полководец Империи. Обладает способностью превращаться в дракона, внушает страх врагам и уважение армиям. Лидер по природе, вспыльчив и не прощает предательства. Является воплощением силы фамилии Дрейгард.

Селеста – «*небесная*». Старшая принцесса; восхитительная красавица, чья красота пугает и чарует. Хитрая, расчётливая, мастерски ведёт дворцовые интриги. Несмотря на отсутствие прав на трон, умеет влиять на судьбу всей династии. Влюблена в Кайсуна, готова идти на многое ради своей любви и власти.

Саймон – *«услышанный Богом»*. Второй принц; высокий, светловолосый, элегантный. Политик и дипломат, отличается сдержанностью и склонностью к компромиссам. Регулирует внутренние дела и отношения между провинциями, славится справедливостью и внимательностью. Скрытно обладает собственным взглядом на судьбу Империи.

Айран – *«воздух»*. Младший наследник; очаровательный любимец праздников, жизнерадостный и легкомысленный. Ближе к народу, чем другие члены семьи, щедро тратит деньги и время на развлечения. Прирождённый авантюрист, легко вступает в сомнительные сделки и с удовольствием использует своё положение ради личной выгоды.

Ланеида – *«тончайшая нить желания»*. Подруга детства Кайсуна; юная суккуб с тёплой и лукавой улыбкой, её движения – гибкие, кошачьи, плавные. Демоница буквально излучает энергию жизни: обаятельна, остроумна, обожает внимание и искусно его привлекает. Отлично чувствует перемены в настроении окружающих, любит высшее общество за его непостоянность, помпезность и радикальность.

Танир – *«щит вечной ночи»*. Друг детства Кайсуна; исполинский демон с мужественным обликом: высокий, плечистый. Он – воплощённая надёжность и спокойствие; немногословен, предпочитает слушать, нежели говорить, умеет быть незаметным, а при необходимости твёрдым, решительным защитником. Демон добродушен, ценит преданность и честь.

Азарих Верен – *«огненный глаз», «непоколебимый»*. Верховный Командир Активных Операций Омра-Акхаэль. В его подчинении находятся все оперативные отряды мракоборцев, отвечающих за обнаружение и задержание мороков, проклятых или запрещённых вещей на территории Империи. Холоден и бесстрастен, крайне предан своим идеалам и учениям Ордена.

Таро – *«старший сын»*. Годы, проведённые в поместье и забота Аи, сделали его надёжным и ответственным молодым человеком. Во время отсутствия главы семейства дома, присматривает за владениями, проявляя организованность и верность. Отличается искренностью и лояльностью к тем, кто ему дорог, как и стремлением заслужить доверие старших.

Аластор – *«дух мести»*. Личный слуга императора – мужчина средних лет, чьё лицо почти всегда остаётся безэмоциональным и непроницаемым. Его манеры безукоризненны, а слова взвешены и точны. Обладает холодным расчётом и способностью манипулировать событиями в свою пользу.

Шийрин – *«сладкая», «милая»*. Ледяная ведьма, обладающая пугающей внутренней силой и редкой эмоциональной сдержанностью. Часто кажется равнодушной, но за хладнокровием скрывается сложный внутренний мир и тяжёлый опыт.

Вальмазер Тарлак – *«сильный господин»*. Властный и суровый представитель Омра-Акхаэль, что признаёт только могущество, не терпя слабости ни в себе, ни в других. Его характер суров, решения – категоричны. Он способен идти на риск и приносить в жертву всё, что потребуется, ради достижения своих целей.

Атмосфера была неописуемо чуждой и пугающей. После вакханалии вращающихся потоков, ревающего ветра и рваных обрывков реальности всё вдруг оборвалось... В той немыслимой тьме, сгущённой до цвета угля, Ая словно потерялась между реальностями. Когда вихрь чёрной дыры стих, впервые за долгое время мир перестал сжимать, давить и ломать её изнутри. Не осталось ни тяжести, ни света – только пугающее, всепоглощающее ничто.

Её собственное тело словно потеряло значимость: вес исчез, очертания растворились, движения стали невозможны – она просто висела где-то между началом и концом – в ледяной, безотрадной пустоте, а перед глазами была только абсолютная, непросветная тьма. Она чувствовала себя ослабленной и выброшенной за край реальности. В груди, словно от острого костяного кинжала, росла тревога за Кайсуна: «Где он? Жив ли?» – эти вопросы пульсировали в её голове, как сердечный удар во всём этом холоде.

В отчаянии, когда она уже почти не различала себя и это пространство, Ая стиснула кулаки. Тьма не отступала, не было никаких стен, пола или потолка, чтобы опереться. Под этим слоем страха и холода вскипала сила – первобытная, тёмная, взывающая к жизни самые глубинные черты её сущности. Демонический дух, который будто ждал этого момента всю свою жизнь, наконец, ощутил столь сладкий вкус освобождения. Ая рывком покинула тело, выбрасывая свой дух в эту неведомую тьму. Из её уст сорвался крик – не человеческий, но наполненный всевластием жадного демона. Крик разорвал тишину, вскипятив волны темноты вокруг себя.

Стоило Ае покинуть своё тело, как мерцающая мгла рассеялась, и пред ней разверзся фантастический, абсолютно невозможный мир. Она парила в пустоте, напоминающей звёздное небо, но каждая «звезда» тут была узлом живой сияющей энергии – маны. Тьма стала всего лишь фоном для бесконечных, переливающихся водоворотов: потоки алого, изумрудного, лазурного и золотого цвета змейками разносились во все стороны, сплетаясь, сталкиваясь и кружась, словно волны по невидимому морю. Эти потоки не были просто видимыми, они ощущались каждым нервом, иногда даже болью, а порой – восторгом. Мана и здешний воздух, вибрировали от избытка жизни, музыка энергий пульсировала сквозь девушку, взывая к истинной сути её демонического духа. В этом мире не существовало привычной плотности, но было предостаточно движения, ощущений и цвета.

Оглянувшись, Ая увидела своё неподвижное тело, подобное кукле, окутанной светом её собственного духа. И рядом – множество других существ, вибрирующих призраками без формы, иногда приобретая смутные очертания живых существ. Здесь жили духи, иные, как и она сама: они сновали между руслами, иногда растворяясь, иногда вторгаясь в один поток, чтобы всплыть в другом.

Ая осторожно, органами чувств, которые не были ни глазами, ни слухом, ощутила: здесь нет границ, нет страха, нет одиночества – только буря маны. Она подхватила своё тело, ощущая его материю призрачно-лёгкой, как поднятый вихрем лист. С каждым вдохом, с каждым мигмом она впитывала всё новые и новые силы. Дух демона внутри неё ликовал – наконец, больше не нужно было сдерживаться, скрываться или бояться. Каждый поток маны отзывался в ней живым эхом; Ая училась подчинять их своей воле, скользить прямо в сердцевине ритмов и вспышек. Её разум раздвигался, чувство могущества росло, все запретные до этого способности теперь стали её истинным продолжением. Она парила – нет, мчалась, растворяясь в вихрях. Поиск Кайсуна стал инстинктом, и где-то в глубине демонической души уже пульсировала метка, которая звала навстречу. Ая была сильна как никогда: здесь, в волшебном пируэте потоков, она была, как рыба в воде.

Ведомая магическим клеймом девушка, мчалась по потокам маны с нарастающим чувством тревоги. Неизведанный мир был наполнен переливами энергии – изломанные радуги тянулись во все стороны, сплетаясь в непостижимые узоры, а за каждым поворотом могла скрываться опасность или откровение. Мана пела в ней, неся упоение силой, но напряжение крепло с каждым мгновением, и, наконец, впереди раздался жуткий, раздирающее пространство эхом, вопль.

Сцена была похожа на кошмар, слепящий и неотвратимый: Кайсун и Азарих, искрящиеся очертаниями в этой бушующей стихии, были окружены бестелесной бурей. Она хлестала их со всех сторон, впиваясь в души осколками энергии, срывая магию; разрывала их плоть, как

ветер рвёт сухие листья. Над ними возвышалось нечто огромное: подобный льву, дух, чья грива была сгустком багрового пламени, а глаза светились мёртвой жадой. Его пасть разрывала пространство, и каждый взмах когтей оставлял трещины в потоках маны, выплёскивая во тьму серо-фиолетовые зарницы злой силы.

Кайсун и Азарих держались рядом из последних сил. Языки синего пламени Кайсуна вспыхивали, но были слабы – он отчаянно оборонялся, не понимая, откуда сыплются самые страшные удары; казалось, его свет выгорал на грани видимого. От них исходило неизбежное отчаяние. Ая вдруг увидела с кристальной ясностью: её друзья в ловушке, их взору были открыты лишь хлысты бури, но не сам рушащий их сущности хищник. В этот миг в ней разорвалось нечто – холодная, как северная ночь, истина. Сердце сдавило: «Они его не видят...» – слова эхом дрогнули в ослеплённой на мгновение душе.

Не медля, Ая ринулась вперед. Её дух, алый и дрожащий от могущества, в танце с потоками подлетел к Кайсуну. Она оказалась в самом эпицентре его пламени, и в смятенной душе юноши разом взорвались надежда и ужас. Он почувствовал её – горячий луч в царстве холода, знакомое тепло, чуждое отчаянью этой битвы. Девушка широко, вдохновенно улыбнулась, и – словно в шутку – швырнула ему в руки своё беззащитное тело. С потрясением и трепетом Кайсун сжал безжизненную оболочку Аи. Его сердце яростно билось на острие несбыточного чуда, но разум уже цепенел – её дух тут же рассыпался в вихре алого света, уносясь в пустоту. В следующее обратное дыханию мгновение в его руках оказался Азарих, выброшенный незримой волей прочь из пекла схватки.

Вокруг мужчин стояла вязкая, гудящая пустота, наполненная треском разломанных потоков и криком оборванных душ. Они видели только синий ореол боя, неведомую им дорогу в глубину, где бушевала схватка не на жизнь, а на смерть. На краю их восприятия вспыхивала новая буря – единственная, кто могла повернуть исход, чья воля и боль отражались в каждом извернувшемся узле маны. Ая была уже не просто демоном – она была бурей в океане энергий, последней надеждой, что бросилась во врата безумия, чтобы вырвать их из лап настоящего ада.

Потоки маны затихли, пространство опустело, и над всем нависла вязкая, ледяная тьма, от которой морозом пробирало до костей. Свечение демонов – синий свет Кайсуна и кровавое зарево Аи – удерживали вокруг них крохотный островок безопасности, разрывая пустоту своими оазисами жизни. Мир вокруг казался безбрежным залом для теней, где скорбь и одиночество легко сливались в новые сгустки энергии. Для Кайсуна Ая была единственным светом, настоящим маяком в этом мире смерти. Его сердце дрожало, когда он ощущал её – такая живая, такая сильная, такая... своя. Вот только их краткая передышка была прервана внезапно: Азарих, охваченный паническим ужасом и отчаянием, метнулся к Ае, превращаясь в сгусток ярости и боли. Его первобытный взгляд полыхал звериным страхом: «Это всё из-за тебя!»

Кайсун, прижимая к себе оболочку девушки, был готов броситься на защиту, но понимал – его задачей было оберегать слабую её часть, доверенную ему. И на его удивление, Ае не составило труда обезвредить нападающего: её нити вспыхнули вокруг Азариха, сковав и обездвижив, словно паучий кокон муху. Но в её намерениях не было ни злобы, ни мести – лишь сочувствие. «Я не причиню тебе вреда», – её голос звучал в этом мире, словно шелест платья в ночи. Барьер из алых искр вырос вокруг них, отделив маленькой стеной от бушующего мрака снаружи. Пространство вдруг обрело гравитацию – мужчины ощутили тяжесть тел, вернувшейся после долгой невыносимой невесомости. Они опустили на «пол» этой иллюзорной клетки и впервые за всё время смогли с облегчением выдохнуть.

Ая стояла на расстоянии, чтобы дать Азариху время привыкнуть к её присутствию, и чтобы тот не зарычал вновь от страха. Она была настороже, но её взгляд был полон понимания. Кайсун крепко держал в руках бессознательное тело девушки, его взгляд был серьёзен и сосредоточен – он не спускал глаз ни с Аи, ни с Азариха.

Первое время охотник и слушать их не хотел – в его голосе звучала злость: «Всё зло мира в вас! Вы – причина гибели моего отряда, разрушения городов...» – отчаяние и бессилие, потеря друзей и привычного мира говорили в нём куда громче, чем разум. Кайсун спокойно, твёрдо объяснил, кто они, за что сражаются, и что вынудило их скрывать свою истинную суть. Ая добавила, что здесь властвуют иные опасности, что куда страшнее обычных демонов; эти живые энергии и мороки теперь стали их общей проблемой, не разделяя на врагов и друзей.

Этот разговор длился очень долго – по меркам мира маны, там, где нет привычных часов, но время отсчитывается по скорости дрожания рук и угасанию надежды. В барьере царила тишина, нарушаемая лишь глухими всхлипами Азариха, да тихими репликами в поисках смысла. На его глазах рушились привычные для него устои и законы мироздания, а страх и ощущение предательства не покидали измученную плоть. Но за бесконечные часы, глядя на хрупкое неподвижное тело девушки, на ту, кто всё ещё держал свет на краю тьмы, Азарих заставил себя принять: она – не чудовище. Эти трое – единственные, кто сумел выжить в этом чужом мире, они теперь были вынуждены бороться за существование здесь вместе, где гибель была почти абсолютной. В сердце матёрого охотника затаилась горечь утраты, одиночества, последней надежды и глухая решимость идти дальше. Болело и прошлое, и настоящее, но никто из демонов не позволял себе забыть о том, что теперь они – последняя опора друг для друга. Ая чувствовала на себе взгляд Азариха, в котором, наконец, засел не только ужас, но и мучительные вопросы...

В призрачной тишине ещё долго ходили отголоски недосказанных обвинений и слёз. Но между этими руинами общения пробился крохотный, едва заметный росток веры.

Атмосфера мира духов была напряжённой и тревожной, наполненной ощущением постоянной опасности и неизведанного. Вокруг не было ничего материального – всё растекалось призрачной тенью, а густая мгла скрывала жуткие, неведомые угрозы. В этом мире царила исключительно сила и безжалостная борьба за жизнь: духи-хищники выжидали в темноте, чутко реагируя на малейшие движения своих жертв. Ребята очень быстро поняли, насколько сильно это место отличалось от привычной им реальности. Здесь нельзя было рассчитывать на милосердие или хитрость – мороки управляли этим пространством, подчиняя всё и вся своим жёстким правилам. Беспокойство и осторожность стали постоянными спутниками демонов, что были у местных обитателей, как на ладони.

Азарих, уже какое-то время свободно ступавший по земле духов, остро чувствовал, насколько права была Ая – только она могла удержать этот хрупкий круг безопасности вокруг них. Он почувствовал всю тяжесть такой ответственности и впервые признал необходимость опоры на кого-то другого. В мире духов всё было пропитано предчувствием угрозы: воздух звенел от тишины, а любая тень могла таить неожиданную и страшную смерть. Иллюзии и хитрости были бесполезны, а существа, от которых нельзя было спрятаться или убежать, становились настоящим воплощением ужаса – здесь оставался только один инстинкт выживания: «убей или умри».

В этом безликом, холодном пространстве Кайсун и Азарих чувствовали себя отрезанными и беспомощными, словно заблудшие души в вечной пустоте. Густая мгла, полное отсутствие привычных форм и жёстких опор сводили их на грань отчаяния. Каждый шаг – будто по льду над бездной. Давление окружающей тьмы казалось подавляющим, лишая их даже воспоминаний о тепле, запахах или звуках прежнего мира. Здесь всё было чужим, неумолимым, равнодушным. Эта атмосфера загнанности сжимала грудь, а невозможность изменить что-либо собственными силами лишь сильнее подчёркивала их уязвимость. Ощущение, что их существование зависит только от Аи и невидимых правил этого мира, граничило с безумием. Их воля будто растворялась в ледяной тишине, оставляя место только страху перед неизвестностью.

Но когда Ая открыла им особое видение – мир будто сменил облик. Сквозь призму её барьера они смогли увидеть подлинную суть духовного пространства. Вокруг раскинулся бескрайний космос энергии: мириады сверкающих потоков маны, сталкивающихся, переплетающихся и разлетающихся во все стороны. Яркие всполохи, круглосуточные вспышки энергии взрывались и затихали, чтобы вновь родиться в новом водовороте чувств. Среди этого хаоса возникали вихри – изумрудные, алые, золотистые, они росли, сталкивались, поглощая друг друга, и вновь перерождались, обретая собственные ритмы и индивидуальность. Некоторые вихри становились особенно мощными – в них рождалась воля, страсть к росту и борьбе. В этой симфонии энергии жизнь и смерть сливались в едином бурлящем потоке. Всё здесь жило единственным законом – стать сильнее, выжить, засиять ярче.

Ае пришлось стать частью этого восхитительного и опасного цикла: чтобы защитить друзей, она поглощала энергии, не давая им поглотить их самих, и передавала накопленную силу своим спутникам. Она буквально насыщала их, поддерживая хотя бы подобие жизни, ведь ни пищи, ни воды не было, а единственный источник существования здесь – энергия, которую ребята могли воспринимать лишь частично, в силу своей принадлежности к другой реальности.

В тусклом свете невидимых энергий, среди вихрей и бурь, демоны остановились, чтобы обсудить своё положение. Их разговор оказался наполнен эмоциями – усталостью, страхом, но и жгучим желанием понять, что же с ними произошло.

– Просто невероятно... Но, если подумать, всё началось с того охотника и сферы. Кем он вообще был? – Кайсун, напряжённо сжимал кулаки, обращаясь к мужчине. – Азарих, ты ведь один из столпов в Ордене. У кого ещё, кроме ваших, может быть такая штука?

– Я сам много раз спрашивал себя об этом с тех пор, как мы здесь оказались. Но я ничего не знаю о подобных экспериментах. – Его голос дрожал от боли. – Если бы Орден действительно делал нечто подобное, меня бы хоть предупредили. Или... Ты хочешь сказать, что меня не посчитали достойным быть в курсе чего-то такого?

Азарих, склоняя голову, сидел опёршись на барьер. Он говорил об Ордене с горечью, до конца не веря, что кто-то из его соратников мог быть к этому причастен.

– У тебя есть на примете кто-то, кто мог бы изнутри действовать втайне? Помните слухи о странных исчезновениях? Может, кто-то слишком увлёкся запретными знаниями... – спросила Ая, внимательно наблюдая за реакцией спутника.

– Мне тоже тяжело в это поверить... – говорил Кайсун, – Но, когда думаешь об этом, становится ясно, что для Ордена всегда была важна сила... Неудивительно, что кому-то не хватило терпения и отсутствия совести. Только у мракоборцев есть такие власть, ресурсы и знания...

– Если уж и подозревать кого-то первыми, так это вас! – хмуро бросил Азарих. – Я всю свою жизнь истреблял этих тварей, а сейчас что? Вынужден подчиняться одному из них...

Он смотрел на Аю с сожалением, горечью и разбитым сердцем. В его душе бушевали сомнения, а жизнь ломалась о скалы неизвестного. Кайсун понимал его боль, ведь сам когда-то прошёл через то же, но ему категорически не нравились слова охотника: «Ая – не монстр!» – уже более решительно процедил он с требованиями относиться к ней уважительно.

– Я не обижаюсь... – С пониманием отозвалась девушка. – Учитывая всё, что нам пришлось пережить, подозревать друг друга легче, чем доверять. Но я сделаю всё возможное, чтобы вернуть вас двоих домой, это я могу обещать. Даже, если мне придётся остаток своих дней провести в этом призрачном состоянии...

На миг все затихли, глядя на хрупкую оболочку девушки в руках Кайсуна. Ая не могла вернуться в своё тело, она не спала и не отдыхала, находясь в постоянной связи с внешним миром. Лицо Кайсуна выдавали тревогу и злость: он вновь оказался в ситуации, где никак не мог помочь той, что так будоражила его сердце. Ребята наблюдали за нескончаемыми потоками

энергии вокруг, словно надеясь, что с каким-нибудь новым всплеском смогут понять хоть что-то о произошедшем с ними.

– Тогда, если портал, действительно, открыли не вы... – с трудом выдавил Азарих вслух. – И... Если взять слова Аи о намерении того парнишки на веру... Остаётся только один вариант... Я должен признать, что Омра-Акхаэль единственные, кто обладает необходимыми данными, а это значит... Что в этом деле замешан некто, кто имеет прямой доступ к файлам и ресурсам Ордена. А вот под прямым приказом или же по собственной инициативе была проделана такая работа – ещё предстоит выяснить.

Все трое понимали серьёзность ситуации. Как ни крути, виновник пошёл против устоев мироздания: искусственно вмешался в природу образования порталов и нарушил тонкую связь между измерениями. Ая чувствовала в этом деле особую угрозу. Она, как та, кто проходила между мирами не раз, понимала, что такое грубое вмешательство может привести к катастрофе, потому её решение выбраться отсюда и наказать преступников было непоколебимо.

– Вы не думали, что кто-то специально заманил нас сюда? – Вмешался Кайсун. – Может быть, это не входило в первоначальный план, но факт остаётся фактом: кто-то отправил засланца в ряды охотников, чтобы подкинуть сферу в мои владения. Может она должна была стать просто уликой, или же призвать мороков в наш мир... Но... Это точно было сделано не просто так.

– Всё может быть. Но, если останемся здесь навсегда, ничем не поможем делу – сказала Ая решительно. – Сперва мы должны выбраться отсюда. Попадём домой – а там, разберёмся по ходу дела. Главное – не сдаваться и не дать морокам нас сожрать. Всё остальное на этом фоне, покажется мелочью...

– Значит, за дело... – усмехнулся Кайсун, глядя на Аю и Азариха. – Вернёмся домой вместе.

Между ними на миг повисло тёплое понимание: несмотря на подозрения, боль и страх перед истиной, они теперь обречены были держаться вместе, чтобы выжить и разобраться в этом вопиющем заговоре. Вся тревога, страх, разочарование и скупое взаимное уважение сливались в этой пустоте с чувством долга и жаждой к жизни. Каждый из них чувствовал, как круг загадок, медленно, но сужался, открывая им истинную причину их нахождения здесь.

Время в этом месте текло совсем иначе. Было ощущение, что они забыли, каково это – чувствовать усталость обычного мира, встречать рассветы или считать дни. Всё слилось в единый поток, где прошлое теряло смысл, а будущее – форму. Они давно перестали гадать, сколько находятся здесь, но каждый ощущал – прожиты были уже месяцы. Ориентироваться приходилось лишь на ритм собственного сердца и чутьё Аи в пространстве. В один из таких бесконечных переходов, когда очередной вихрь энергии отступил, а вокруг повисла гнетущая тишина, напряжение прорезал голос Азариха:

– Почему ты не можешь просто открыть портал? – Он старался говорить спокойно, но в голосе сквозила досада и усталость. – Ты ведь так делала уже раньше.

– Если не может, значит, есть причина. – Кайсун бросил на Азариха раздражённый взгляд, защищая спутницу. Его голос звучал твёрдо, но отчаяние уже заметно отразилось в складках между бровями. – Мы бы не были здесь, если бы всё было так просто.

– Я... не знаю, как объяснить. Во сне я открывала порталы легко. Там меня ничего не ограничивало. Но это место... Здесь потоки маны – они просто захватывают меня, унося далеко, словно течением. Думаю... Я слишком слаба по сравнению с этой силой. – Девушка опустила голову, чувствуя в груди неприятное чувство вины.

Воспоминания Аи:

Прошли дни – или недели – но каждый шаг, каждое новое наблюдение дарили крупницы новых знаний. Ребята выяснили, что не вся энергия здесь настроена враждебно. Иногда к ним приближались светящиеся потоки, которые складывались в образы зверей и птиц, что наблюдали за путешественниками, не причиняя вреда.

– Может, не все мороки такие уж чудовища? – задумчиво предположил Кайсун, когда очередная волна мягкого голубого света, в форме огромной летящей птицы, скользнула мимо.

– Похоже что, нет, – тихо ответила Ая. – Им просто любопытно, кто мы. Пока рядом нет хищников – мы и они в безопасности.

Наше время:

Вскоре разговор зашёл вновь о самом устройстве этого места:

– Но как же тогда всё таки мороки попадают в другие измерения? – вслух размышлял Азарих. – Не возможно, чтобы только через порталы, ведь донесения о них приходят из разных уголков измерений...

– Старик однажды рассказал мне кое-что... – начал Кайсун осторожно, вспоминая историю о Пауке, что *«собрал разрозненные дыры в одну единую сеть, подчинил их своей воле и соткал из них великие Двери».*

– Бинго! – воскликнула вдруг Ая, оживившись. – Это не порталы, это искривление пространства!

– Я не понимаю... Ты говоришь, это не просто врата между мирами? – нахмурился Азарих.

– Не врата, а дороги, – уверенно сказала Ая, размахисто рисуя в воздухе волшебные узоры. – Паук сплёл туннели, соединяя миры без пересечений. Когда открываешь Дверь, заклинание указывает путь. Вот почему одни и те же врата ведут в разные места. Они нигде не пересекаются, потому то внутри никто никогда не сталкивается.

– То есть, это дороги, где каждая ведёт только в одно место?.. – Кайсун задумался. – Но разве не должно тогда существовать огромного пространства между ними, чтобы всё это поддерживать, как... единую сеть?

– Это место должно быть бесконечным, а главное – вдали от посторонних. Чтобы ни одна сила не могла повлиять на устройство всего механизма... – подхватил его мысль Азарих, охваченный непонятной смесью тревоги и восхищения.

Демоны внезапно умолкли. Наконец, что-то встало на свои места. Незримая тяжесть, ощущение границ, которых нельзя было достичь, энергетический космос с неведомыми вихрями – всё это и было тем самым пространством между мирами. В воздухе повисла дрожащая эмоция – смесь ужаса от масштаба открывшегося и какого-то восторга, словно им удалось прикоснуться к самой сути мироздания.

– Мы внутри... Мы внутри этого механизма!

– Значит, здесь должны быть лазейки... – продолжила Ая, медленно оглянув белёсый, наполненный сполохами света и мрака горизонт. – С помощью которых, мы сможем найти путь домой.

– Это объясняет, почему сюда никто не может попасть по собственной воли. – размышлял Азарих, ощущая шемящую ответственность за столь грандиозное открытие. – Но, сможем ли мы вообще тогда, хоть как-то повлиять на творение Бога таких масштабов?

Все трое на время задумались, чувствуя, что каждый их шаг теперь – часть великой тайны, в которой они оказались по воле небес. Эмоции сменялись быстро: от страха перед неведомым и бессилием до дрожащей надежды – они ближе, чем вчера, к этой разгадке. Их объединяли не только обстоятельства, но и осознание: оказаться в этом мире – было лишь началом куда большего их совместного пути.

Время в мире духов тянулось странно – дни и ночи сливались в один сплошной поток: ни солнца, ни звёзд, только бурлящие вспышки энергии. Но, казалось, долгие месяцы, проведённые здесь, сделали своё дело. Привязанность к прежней реальности угасала. Демоны становились частью этого странного ритма, где выживали лишь те, кто учился слышать шёпот маны, чувствовать угрозу раньше, чем та вырывалась наружу. Первое время пути давалось тяжело. Всё это напоминало блуждание в густом тумане: стоило расслабиться – и опасность настигала тут же. Иногда потоки маны превращались в истинных чудовищ – мороков, которые ловко сливались с окружающей средой, появляясь внезапно прямо у ребят за спинами.

Каждая встреча с этими монстрами становилась для мужчин настоящим испытанием. Они тренировались буквально ежеминутно, ведомые целью стать сильнее и полезнее в этом мире. Азарих – с его врождённым чутьём к потокам враждебной энергии – стал первым замечать всполохи, а Кайсун учился проводить барьеры, подражая движениям Аи. Иногда эти тренировки превращались в жестокую игру со смертью: демоны учились различать безобидных и добродетельных духов от смертельных хищников. Ошибаться было нельзя.

Случались и удивительные моменты. Однажды они столкнулись с прозрачным зверем, переплетающимся из потоков, вроде огромного медведя, только сотканного из сверкающих нитей. Это существо не проявляло агрессии – наоборот, оно несколько раз появлялось на их пути, будто проверяя, научились ли демоны ощущать разницу между угрозой и нейтральной сущностью. Благодаря этим «встречам» у ребят появился неформальный маршрут, который иногда позволял безопаснее двигаться по следам сильного зверя, нежели «вслепую».

Между боями и поисками проходило время изучения. Азарих с настойчивостью учёного разбирал вибрации маны, строил собственные классификации и схемы – Ая шутила, что если бы тот всё это записывал, у него вышел бы настоящий трактат о природе духовного мира, которому цены не было бы в Тан'Кай. Кайсун учился быть внимательнее к малейшим отклонениям и искал стратегические ходы: как можно не вступать в бой, а обойти угрозу стороной. Иногда он устраивал засады-ловушки при помощи местных потоков, ну а иногда их всех спасало лишь везение.

Нередко время тянулось очень тяжело. Порой каждый из них уходил в себя: Ая – в свои видения, погружаясь в поиски источника новых сил или маршрута наружу; Азарих – в неумолимую аналитику собственных возможностей и знаний, к которым имел когда-то доступ; Кайсун – в беспокойные размышления о мире людей, о доме и о том, кем он станет, если когда-нибудь вернётся в мир демонов.

Были и моменты юмора и простого душевного тепла. Однажды Кайсун пытался симпро-визировать «ужин» из энергий, «накладывая» друг другу воображаемые блюда, а Азарих зачитывал монолог, высмеивая грозных мороков, как «трусисек-барашков». Даже в самых жутких передрыгах они пытались подшутить друг над другом или подбодрить словом или действием. Они учились не только выживанию и бою, но и доверять друг другу, ловить тонкие сигналы, которые мир духов посылал им на каждом шагу. Изю дня в день они чувствовали, что становятся сильнее, мудрее, а главное – ближе друг к другу.

И неизменно горела надежда: если продолжать искать, когда-нибудь перед ними появится тоннель или лазейка – путь домой или к новой разгадке. Путешествие стало не просто испытанием, а возможностью изменить себя и свою судьбу навсегда.

В этот раз всё было иначе – мгла сама по себе будто дёрнулась и сгустилась, превращаясь в чудовищную фигуру. Морок, вдвое превышающий ростом демонов, с вихрями энергии вместо когтей и маской тьмы на лице, бросился на них с визгом, от которого дрожало даже само пространство.

Начало боя было ослепительно стремительным. Азарих мгновенно вылетел вперёд, его тело как будто сливалось с волнами маны, а вокруг рук по всполохам стекала густая энергия. С

размаху он ударил сетью из сверкающих нитей – морок рванулся, но часть «клыков» врезалась в его бок, расщепляя часть чёрного тела на искры.

В ту же секунду Ая, светясь алым, будто стала самой стихией, атаковала монстра вспышкой. А Кайсун одним движением рук поднял энергетический барьер, плотный и переливчатый, словно стекло между мирами, защищая девушку от разлива враждебной энергии. За этим щитом он чувствовал тепло спины Аи и отчётливую пульсацию её настоящей энергии – мощной, но уязвимой. Он уловил момент, когда морок попытался обойти защиту и направился на него, мгновенно среагировав, тот направил всплеск силы на врага – серп разрезал пространство, отталкивая чудовище куда-то в темноту. Он быстро поменялся местами с Азарихом: тот, уже тяжело дыша, с благодарностью кивнул, уступая позицию молодому демону взамен на защиту тела девушки. Азарих прикрыл Кайсуна, вихляя энергетическим остриём через плечо морока. Они работали почти без слов – только короткие окрики, жесты и взгляд, наполненный доверием.

– Ая, я удержу, дави его! – бросил Кайсун, не сводя глаз с чудища.

В этот миг девушка, взмыв вверх, вокруг себя сплела потоки света. Она обрушила собранную энергию на морока: вихрь маны пронзил пространство, рассекая тьму. Но враг был силен. Он раздувался, рвал ткань пространства щупальцами, пытаясь вцепиться сразу во всех. Азарих, с девушкой на руках, оказался под обстрелом тонких игл энергии, но Кайсун уже встал стеной между ними, усиливая барьер и впитывая в себя удар монстра. Когда Ая, собравшись с силами, вложила в последний всплеск энергию своей сущности, та ослабила морока, позволив поглотить девушке его дух без остатка.

Тяжело дыша, они «стояли» плечом к плечу. На этот раз никто не пал: каждый получил раны, но главное – внутри пульсировало чувство победы, взросления и общей цели. В этот миг они были единым целым. Азарих ощущал гордость за самоконтроль и новый уровень мастерства. Ая – за доверие, которым её окружили спутники. Кайсун – за то, что научился защищать не только себя, но и всех, кому даровал дружбу.

Но где-то внутри эта битва поселила и зёрна пробуждающейся надежды. Все ощущали, как с каждым новым поединком между ними крепнет невидимая нить – они всё больше доверяли друг другу, действовали почти единым организмом. Эта поддержка согревала, а усталость и страх перед новым противником лишь сильнее объединяли их души. После боя в воздухе повисла тревожная тишина, напряжённая и ослепительно живая. Их победа была тяжёлой – не столько тела, сколько души оказались исцарапаны новым осознанием: сила, с которой им пришлось столкнуться, была на порядок опаснее и неумолимее прежних.

Ая парила, окружённая алым светом своей энергии. Пространство вокруг неё словно затихло, наполнившись тихим теплом. Внутри девушки разгоралась искра – новая сила, новая глубина чувств. Она вытянула руку вперёд, ощутив, как её сущность, насыщенная душами мороков, стала необычайно чувствительной к тончайшим вибрациям маны. По лицу скользнула улыбка – полуясная, полутаинственная. Сквозь глаза в этот момент светился иной мир: паутина путей, клубящиеся узлы, течения, зовущие куда-то вдаль. Мужчины остановились чуть поодаль, наблюдая за ней, испытывая смесь уважения, тревоги и тихого воодушевления – их спутница теперь была проводником буквально и фигурально. Кайсун ощутил новую волну доверия: он чувствовал её внутренний рост и впервые осознал, что боится потерять не только силу Аи, но и её саму.

– Я не уверена... – прошептала она, не отрывая взгляда от горизонта. – Но, кажется, там что-то есть...

В этот момент между спутниками промелькнуло безмолвное согласие. Даже Азарих, всегда осторожный и склонный к сомнениям, только сжал кулак и кивнул. Долго они продвигались сквозь всё более тягучие потоки. Пейзаж менялся, становясь всё страннее: вихри маны стягивались, как волны в русле реки, их скорости нарастали, цвета сливались, складываясь в

ослепительные гроздя света и тени. Иногда казалось, что они летят сквозь гигантскую артерию, по которой сама суть мира перетекала из одной точки в другую.

Ая двигалась уверенно и плавно, словно рыбка в прозрачном потоке. Она вела за собой напарников сквозь переплетения вихрей, маневрируя между опасными завихрениями. Мужчины подстраивались, интуитивно следуя её жестам, даже не всегда понимая, что именно она чувствует. Внезапно потоки усилились, их закрутило, будто в гигантском горном русле. Его течения схлёстывались, ревели, нещадно прижимая ребят друг к другу. Кайсун крепко схватил руку Азариха, сам дрожа от напора этой архаичной стихии. Они отчётливо чувствовали – ещё немного, и их просто размажет по этому месту, растворив в хаосе. Ая, почувствовав угрозу, не растерялась. Собрав силу, она раскинула ладони, и барьер тёплого алого света окутал их всех, защищая от водоворота энергии. Сама Ая внутри была предельно собрана, словно скрипач перед сложнейшим пассажем. Она нашла в прожилках энергии знакомую дрожь, зацепилась за неё и, всей волей раздвигая эту бурю, словно разрывая руками тяжёлую ткань, проделала проход в другую реальность. На том пределе, где уже не было пространства, а только чистая энергия, внезапно открылся непривычный их взгляду яркий свет – мощный вихрь втянул их в себя с молниеносной скоростью, закружил, вывернув всё изнутри и вышвырнул всё содержимое куда-то вниз.

Первое, что почувствовали ребята – это тяжесть, гравитация и холод твёрдого пола под спиной после небольшого удара оземь. Они скатились по брусчатке, тяжело дыша и ошалело оглядываясь. Перед глазами раскинулась грандиозная, но до боли знакомая архитектура: золотые стены, переливающиеся отражениями, огромные арки, ведущие ввысь. А где-то над ними в синеве неба выстроились в ряд три луны, озаряя садовые тропы и округлый пруд мягким серебряным светом. Эмоции захлестнули всех разом. Азарих стиснув зубы, ударил кулаками по твёрдой земле. Кайсун вскочил на ноги: его глаза, полные радости и беспокойства, скользнули по сводам дворца и вернулись к Ае. Не успела она среагировать, как тёплые руки парня, уже обнимали её, прижимая к себе так крепко, как это было возможно. Сияя внутренней силой и нежными чувствами, что накрыли её, девушка улыбнулась с толикой усталости, но облегчения, обняв юношу в ответ. В воздухе раздался крик боли и радости: перед ними стояли грандиозные своды Императорского Дворца – они вернулись домой.

Их накрыла волна невероятного облегчения, столь сильного, что перехватило дыхание. Всё внутри отзывалось восторженной дрожью: они смогли – прорвались сквозь бездну невозможного, выстояли и вернулись. Кайсун с трудом сдерживал слёзы облегчения, глядя на знакомые очертания башен. Азарих ощутил, как напряжение прошлых лет растворяется в груди, уступая место тихой гордости и благодарности судьбе. Даже безжизненное тело Аи казалось вдруг легче: Кайсун поднял её на руки, крепко прижимая к груди, словно защищая от новых невидимых бурь. Но радость друзей не успела расцвести до конца – всё произошло слишком быстро. Тень промелькнула по мраморным дорожкам сада, за ней – грозное эхо шагов, лязг стали. Из арок выплеснулась дворцовая стража, одетая в сверкающие доспехи. Клинки взметнулись к их горлам, взгляд стражников был холоден и беспощаден, полон настороженности и скрытого страха. Всё вокруг вновь наполнилось напряжением, дрожащей угрюмой неизвестностью.

Окружённые мужчины твёрдо стояли на ногах в окружении солдат. Азарих выпрямился гордо, следя за каждым движением клинков. Кайсун держал Аю крепче, стараясь укрыть её телом от опасности, расставлял крылья пошире. Их мышцы, отвыкшие от подобной угрозы за время скитаний по миру духов, вновь налились тревогой – так близко они были к спасению, и вот вдруг опять стояли на грани новой беды. Внезапно толпа стражников раздвинулась, и навстречу шагнул демон – высокий, с огненно-красными волосами, собранными в длинный хвост, властным яростным взглядом и лицом, которое будто было вырублено из гранита. Его

походка была решительной и угрожающей, а в глазах вспыхивала узнаваемая смесь власти и безжалостного гнева.

Это был Рюджин Дрейгард, первенец Императора. Его грозное появление наложило тень даже на сияние небесных тел. В этот миг надежда смешалась со страхом и тревогой: они были дома, но что-то не давало покоя. Азарих, сдерживая внутреннюю бурю, поднял взгляд навстречу Рюджину, готовясь к любому суду. Кайсун сжал зубы, оберегая безмолвное тело девушки. Время будто застыло. Радость возвращения была отравлена остротой стали у шеи, глухой угрозой, исходящей от дворца, и взглядом первого сына Императора, который излучал атмосферу катастрофы.

Всё вокруг словно сгустилось – воздух стал тяжёлым, наполненным тревогой и напряжением. Стражники сжимали рукояти мечей, готовые в любую секунду проткнуть «злоумышленников» насквозь. В их взглядах отражался страх и решимость: незнакомцы пробрались в самое сердце дворца, и никто не знал, чего ждать дальше. Рюджин Дрейгард появился властно и молча, его фирменный хищный взгляд скользнул по троице. Но когда он увидел Кайсуна, лицо императорского отпрыска исказилось смесью изумления, боли и неверия.

Юный лорд опустил на колени, аккуратно удерживая в руках бессознательное тело Аи. Его голос дрожал от волнения и изнеможённого уважения: «Ваше Высочество... Простите за вторжение и суматоху. Мы... сами не понимаем, как оказались во дворце. Ваше появление стало для нас настоящим сюрпризом. Прошу, объясните... что происходит? Почему вы здесь, а не на границе?»

Стража настороженно переглянулась, клинки дрожали от недоумения и подсознательного страха. Молчание стало почти невыносимым: казалось, весь мир вслушивался в ответ наследника. Рюджин с досадой поморщился, переживая внутреннюю борьбу между долгом и личными чувствами. Он медленно подошёл ближе, осматривая знакомые черты, словно боясь обмануться: «Хоэн? Не может быть...» – Его голос дрогнул, лицо стало каменным, но в глазах полыхнули огоньки надежды и горечи сразу.

Азарих с трудом поднялся, едва дыша: «Ваше Высочество... мы не... мы вернулись. И оказались здесь... только что». На мгновение выражения лиц всех вокруг смешались: удивление, испуг, растерянность. Ни стража, ни сам принц не понимали, что творится.

– Только что? – Рюджин медленно качнул головой, тень легла на его взгляд. – Сколько прошло времени с тех пор, как вы исчезли? – Он резко затих, и только через долгий миг продолжил: – Десять лет, Хоэн... Прошло десять лет, как исчезли ты, охотники и эта девушка в том чёртовом портале!

В его голосе прорывались злость и горечь, но ещё сильнее – придавленное изумление. Все, кто был вокруг, замерли в шоке: не осталось ни одного равнодушного лица. Кайсун опустил голову, потрясённый услышанным, зацепившись глазами за плитку пола: «Этого не может быть...»

Азарих скосил взгляд на друга, на Аю, что мирно лежала в его руках, и на три луны, так нещадно насмехающихся над ними с высоты... Рюджин коротко махнул рукой стражникам: «Поместить их под стражу!» – Собравшиеся вокруг приступили к исполнению приказа. Рюджин смотрел на лицо старого друга, что отражало отчаянье, и на бездыханное тело девушку в его руках. Он на миг остановил солдат: «Она... Мертва?» – в голосе его звучали осторожность и сожаление. Строго, без тени сомнения, Кайсун ответил ему глядя прямо в глаза: «Просто спит». Рюджин прочёл в его взгляде решимость загнанного в угол зверя. Смягчившись, он приказал отправить девушку на обследование. Трясущимися руками Кайсун передал Аю ассистентам медиков, едва сдерживая рычание. На его лице отражался хаос: нелепая радость возвращения, вина за прошедшие годы, страх перед переменами и неосознанная тоска по тому миру, который, возможно, уже исчез в его реальности...

Стража сомкнула круг, сопровождая арестантов сквозь коридоры дворца, в которых всё казалось не таким, как прежде – чужие лица, иной порядок, иное напряжение в воздухе. Каждый шаг под конвоем воспринимался, как финал долгого испытания и начало новой, страшной неизвестности. В последнем взгляде, который Рюджин бросил вслед «пропавшим без вести», читалась глубокая тревога: в его душе разрывались радость и в то же время чувство долга перед народом, которому предстояло пережить новость о возвращении демонов из мира духов.

В сыром каменном подземелье царила тишина, нарушаемая лишь едва различимым эхом шагов и глухими всхлипами где-то вдали. Кайсун и Азарих сидели на скамье, склонившись друг к другу – в их взглядах было настороженное ожидание. Стражники демонстративно стояли по углам, их алые глаза следили за каждым движением заключённых. Тело Аи лежало неподвижно на узких нарах – врачи не нашли никаких отклонений, но почему девушка не просыпается, ответить не смогли.

Где-то наверху затрещали засовы, а, немного погодя, в камеру вошёл Рюджин. Его лицо было маской ледяного спокойствия, но в глубине глаз бурлило нечто тёмное: тревога, смешанная со злобой и подозрением.

– Что произошло в тот день? – спросил он, голос его резанул воздух, как клинок.

Кайсун молчал пару секунд, избегая прямого взгляда принца. Азарих собирался что-то сказать, но друг сжал ему плечо, словно уговаривая промолчать.

– В тот день... – начал Кайсун, его голос дрожал, но он пытался держать себя в руках. – В мои владения прибыли охотники. После случившегося на Аркадской Вечере, весь род знати обыскивали на предметы запретного толка. Мы были в саду, когда... прямо перед нами открылся портал, и нас затянуло в темноту.

Рюджин не моргал, его взгляд прожигал Кайсуна насквозь.

– Что было дальше? – он говорил тихо, но вкрадчиво.

Азарих нервно сглотнул, поглядывая на битву взглядов этих двоих.

– Мы не знали, что это за место... Вокруг была лишь крошечная тьма, в которой мы не могли ничего сделать, – еле слышно добавил он.

– Десять лет, – прошипел Рюджин, – вас не было десять лет, и ты надеешься, что я поверю в такую дешёвую историю?

Кайсун поднял голову; на миг в его глазах мелькнула злость, но он удержался.

– Я не лгу, – выдохнул тот с отчаянием. – Пока нас не выплюнуло обратно... мы даже не догадывались, сколько времени прошло...

Камера погрузилась в гнетущую тишину. Рюджин задержался взглядом на бессознательной Аи, затем вновь вернулся к Кайсуну – губы его дёрнулись в усмешке. Небольшая темница дрожала от нового витка напряжения. Рюджин на секунду замер, вглядываясь в лицо Кайсуна, потом рывком схватил того за ворот, рыча прямо в лицо:

– Смеешь врать мне? – его голос был полон злости и обиды. – Может, мы и не виделись много лет, но твою лживую рожу я ни с чем не спутаю!

Пальцы Рюджина вонзились в ткань, как когти. В глазах – ярость, ожидание предательства и что-то едва заметное, одинокое, как боль от старой раны. В груди у него росло предчувствие беды, но понять причину столь открытого, но наглого вранья демона, он не мог. Перед ним сейчас стоял совсем не тот Кайсун, которого он когда-то знал, а значит – доверять ему было нельзя. В мрачной паузе, наполненной только тяжёлым дыханием и скрежетом металла, Кайсун неожиданно выпрямился, сбросив хватку принца с груди. Его взгляд был твёрд, как у воина, пережившего слишком многое.

– Лучше скажи, где император? Почему ты здесь и... почему на тебе эта... ряженая одежда? – голос его звенел подозрением. – Что произошло, пока нас не было?

Вопрос повис в воздухе слишком надолго. На лице Рюджина вдруг проступили усталость и невыносимая печаль, когда тот отступил, тяжело опустив руки.

– Он тяжело болен... брат, – едва слышно сказал демон, будто каждое слово рвалось сквозь боль и бессилие. – Его охватила духовная недостаточность...

Ужас пробежал по лицам Кайсуна и Азариха. В этом мире духовная недостаточность была сродни смертному приговору: неизлечимая, неизвестная болезнь, что приводила потоки маны в дестабилизацию, изнуряя и истощая свою жертву. Воздух в камере стал вдруг невыносимо тяжёлым, давящим, словно невидимый груз навалился на плечи всех присутствующих здесь. Кайсун впервые за столько лет ощутил настоящую слабость; он перевёл взгляд с Рюджина на Аю, что лежала без сознания, а затем с трудом задал главный вопрос: «Он... ещё жив?»

Рюджин чуть заметно кивнул, опустив взгляд. Однако, в его голосе пробивались бессилие и злость: «Разве можно назвать это жизнью?..»

Вмиг тишина стала звенящей. И вдруг произошло невообразимое: прямо перед лицом Рюджина возник дух Аи. Её облик мелькнул, как призрак – решительный, яростный взгляд прорезал полумрак.

– Где он!? – её голос был ветром, что сметал всё на своём пути.

Потрясённый Рюджин машинально выхватил меч, его лицо исказилось ужасом и решимостью. Он был готов обрушить металл на морока в ту же секунду – ведь всё в нём сейчас требовало защитить честь императора, государство и себя самого. Но Кайсун, не колеблясь ни секунды, метнулся вперёд, заслонив собой Аю. Меч Рюджина врезался в его ладони, чуть прорезая кожу. Расправив крылья, Кайсун заслонил девушку от взгляда своего противника, почти не оставив места в тесной камере для манёвров. Его глаза полыхали решимостью; в отчаянной спешке, словно боясь опоздать, Кайсун выкрикнул ей точное местоположение императорских покоев. Он был готов держать Рюджина сколько угодно, лишь бы дать ей шанс спасти правителя от смерти.

Между мужчинами будто пролегла трещина – Рюджин был переполнен гневом и горечью, ощущая непрошибаемое предательство не только товарища, но и всего мира. Его рука дрожала, готовая к смертельному удару, но Ая уже исчезла – растворилась в земле, будто мираж, оставив за собой только мерцающий след маны. Ощущение тяжёлого выбора, безысходности и не до конца высказанного отчаяния повисло в воздухе, едва слышно вибрируя в камне и сердце каждого.

Рюджин чувствовал, как внутри него разгорается ледяное отчаянье, – оно пронзало грудь острой болью, разливаясь по венам тяжёлым грузом. Всё происходящее казалось неправильным на самой глубинной, инстинктивной ноте: тот, кому он доверял больше всех, кого лично тренировал с самого детства, кого считал не только братом, но и близким другом, оказался на стороне врага. Слова Кайсуна отскакивали от его сознания, как дождевые капли от раскалённого клинка – он не хотел и не мог их услышать. Ткани на теле Рюджина затрещали от перегрузки энергии. В этот миг он уже не контролировал свою истинную форму: его силуэт окутала мана, и из плеч вырвались золотые крылья, словно сотканые их пламени дракона. На его голове изгибались мраморно-белые рога, а за спиной бил хвост, оставляя на обломках пола разбитые кристаллы и едва мерцающие молнии.

– Предатель! – голос Рюджина был неузнаваем: в нём звучали отчаяние, ярость, глубинная тоска и предательская надежда, что всё это просто глупая ошибка.

Кайсун, напротив, стоял, вытянув вперёд руки, удерживая его не просто физическим усилием – вокруг ладоней плясали языки синего пламени, сдерживающие мощь противника, странным барьером, огораживающего этот вихрь ярости от тела девушки и Азариха за его спиной. Наконец, не выдержав такого натиска, стены вокруг затрещали. Понимая, что мирного урегулирования конфликта не состоится, Кайсун прихватив с собой Рюджина, выбил потолок, вылетев наружу, будто пущенная лучником огненная стрела. Их магии столкнулись в воздухе:

силы Кайсуна держали Рюджина в узле, будто приковывая к себе энергетическими цепями, чтобы тот не смог прорваться к императорским покоям.

Каждый удар Рюджина сопровождался вспышкой магической боли – повсюду плясали языки алого пламени: они сталкивались с барьерами Кайсуна, разлетаясь, будто фейерверк на праздник. Крики Кайсуна отзывались эхом в густом воздухе: «Рю! Я не предавал тебя! Послушай меня!» Но взгляд бушующего дракона был затуманен: боль смешивалась в его душе с памятью о юношеских клятвах, уроках во внутреннем дворце, и о том, как в Кайсуне впервые пробудилась магия огня: *«Мы с тобой теперь братья! Огненные братья! И всегда будем на одной стороне!»*

В этот миг драконьи черты Рюджина достигли высшей точки: его рык, похожий на раскаты грома, разнёсся по стенам дворца. Их борьба была не только схваткой силы – это было столкновение бывшего доверия и нынешней предательской обиды. В воздухе засверкали прозрачные, острые, как стекло, энергетические клинки: магия Рюджина была резка, порывиста, смертоносна. Схлёстываясь с магией противника, извиваясь будто две змеи, они вспыхнули яркой вспышкой, ослепляя всех вокруг, словно взрывом солнца. Осколки света посыпались с неба, где барьеры не выдерживали давления, превращаясь в ночные звёзды, опадавшие на плечи зевая вниз.

Воспользовавшись моментом, Рюджин стремглав обогнул Кайсуна. Его сердце бешено колотилось, а каждое действие отдавалось гулом в ушах – было ли это страхом, воодушевлением или чем-то ещё, он не мог разобрать. Плащ захлёстывал ноги, когти выбивали ритм тревоги по мраморным плитам стен и пола. Охрана у дверей покоев императора, не ожидавшая такой прыти ни от кого – тем более от старшего наследника, была застигнута врасплох. Рюджин разбросал их в разные стороны потоками энергии, а порыв ветра сорвал массивные двери, ведущие в личные покои императора, с петель. Послышался крик, но Рюджин уже не слышал ничего кроме стука собственного сердца. Его душа разрывалась от вариаций той картины, которую ему предстояло лицезреть... Но стоило юному дракону попасть внутрь, как его широкие плечи затряслись, а слёзы сами собой брызнули из глаз. Не в силах справиться с накрывшем его водопадом эмоций, юноша без сил упал на колени под властью гравитации и противоречивых чувств.

Перед ним стоял император Ронан, с удивлением взирая, на ворвавшегося в его опочивальню, старшего сына.

Вслед за Рюджином в покои стремительно ворвались слуги и стражники, ошарашенные происходящим. Крики, грохот лат, сбивчивые вопросы – никто не мог понять, что заставило наследника столь безрассудно ворваться в личные покои правителя, наплевав на все законы и правила дворца. Но как только глаза их упали на императора Ронана, что стоял крепко на ногах и внимательно осматривал окружающих, растерянность сменилась сперва изумлением, затем восторгом. Ведь ещё недавно владыка был прикован к постели тяжёлой, изматывающей болезнью, едва ли способный вымолвить хотя бы слово. Теперь же перед ними был совершенно другой демон – живой, будто помолодевший, с ясными глазами, спокойной улыбкой и прежней твёрдостью в движениях. Стоило одному из стражников опомниться, как дворцовые покои взорвались возгласами – кто-то закричал от радости, кто-то просто не мог поверить и громко звал всех свидетелей. «Император! Император!» – раздавалось со всех углов.

Слуги и стража спешили передать новость дальше – уже через несколько минут во дворец сбежались встревоженные врачи, одетые в белоснежные одежды. Они почти толкались в дверях, стараясь пробиться к Ронану, осмотреть его, убедиться, не обман ли это. Но измерения пульса, прикосновения ко лбу, вопросы и даже осмотр старых шрамов – всё подтверждало очевидное чудо. Император был полон сил – здоров, как никогда раньше.

Дворец заполнился торжеством и ликованием: из дальних залов слетались все неравнодушные, придворные и даже самые закоренелые скептики. Кто-то со слезами, кто-то с подавленным смехом или молитвой, а сам воздух наполнился волнующей надеждой и радостью. В этой буре эмоций, торжества и изумления, единственным, кто по-настоящему знал о деталях случившегося, был Рюджин. Он стоял чуть поодаль, тревожно наблюдая за отцом; его душу точил тяжёлый груз тайн. Он не мог никому сказать – ни о ярости, что привела его сюда, ни о настоящих причинах выздоровления правителя. Его глазам – всё ещё затуманенным слезами – открылась иная, скрытая истина, которую ему предстояло впредь носить с собою в одиночестве.

Когда, наконец, лекари убедились в полном здравии императора, тот приказал всем покинуть его покои. Он разделял их тревоги и чувства, однако, первостепенной задачей поставил разговор с сыном. Особенно сильно это возмутило прибывших на вести родственников Ронана – даже его супруга и остальные дети были вынуждены смиренно ждать во дворе, даже не взглянув на правителя.

Последним неохотно покинул покои личный слуга императора, медленно затворив внешние двери за шумной толпой придворных; наступила густая, почти осязаемая тишина. В ней было что-то священное, будто сама судьба придала нескольким минутам отца и сына особое значение. Император – в этот момент не величественный правитель, а просто родной отец, – устало присел на край резного ложа. В его глазах теплилась усталость, но куда сильнее – нежность. Рюджин, только что державший себя из последних сил, вдруг словно распался на части: скомканные переживания выплеснулись дрожью по всему телу. Юный дракон бросился к Ронану и обхватил его, уткнувшись лицом в плечо. Объятия были крепкими, даже судорожными – столько опасений и любви накопилось за последние годы... Император осторожно прижал сына к себе и погладил по спине, позволяя ему, наконец, выплакаться у его ног и почувствовать себя в безопасности.

В этот миг каждый вздох, каждое прикосновение наполнились смыслом. Между ними не было должностей, королевских титулов, – только родная кровь, только две души, что вновь обрели друг друга после долгого мрака разлуки и тревог. В воздухе повисла особая атмосфера единения, густая, как утренний туман на реке – тягучая, греющая, искренняя. Рюджин чувствовал, как быстро стучит его сердце – страх за отца всё ещё не отпускал, но вместе с ним пришло и облегчение, будто он вынырнул из ледяной воды на солнечный свет. Его терзали вопросы, но пока напуганный юноша цеплялся за дорогого ему демона руками и душой, позволяя себе быть по-детски слабым, император, ощущая эту бурю эмоций, просто молчал. Тишина в покоях была наполнена светом и надеждой. Ощущение, будто само время дало им эту передышку, чтобы насладиться мгновением близости, грело их растерзанные сердца любовью друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.